

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 197–203

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 197–203

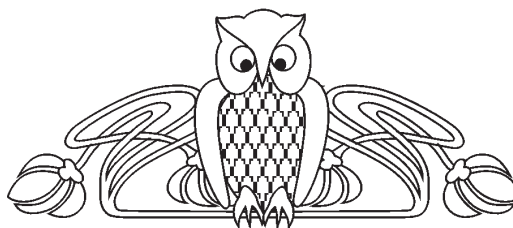
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-197-203>, EDN: DXZMQU

Научная статья

УДК 821.111.09-311.6+929Во

Христианская истина и политика в романе Ивлины Во «Елена»

И. В. Кабанова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, ivk77@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3545-2763>

Аннотация. Роман И. Во «Елена» (1950) рассматривается как выдающееся художественное размышление писателя о наиболее близких ему проблемах: о природе власти в обществе и о возможности обрести выход из кризисного сознания XX в. в истине католической религии. В католической церкви Англии к Во всегда относились с подозрением, подчеркивая его «неправильный» католицизм; с опорой на труды биографов и интерпретаторов творчества Во анализируются особенности рецепции писателем католической ортодоксии. Католицизм был для Во, прежде всего, наиболее глубоко разработанной логической системой, основанной на исторически достоверных фактах. В истории св. Елены И. Во создает не просто жизнеописание полупоэтической императрицы, которая обнаружила Крест Голгофы и доказала тем самым подлинность основополагающего христианского нарратива, но современный, полный иронии, исторический роман о закате Римской империи. Намеренные анахронизмы, стиливые особенности позволяют автору создавать скрытые параллели между эпохой Констанция Хлора и Константина Великого (мужа и сына Елены) и катастрофической историей XX в. Во показывает живучесть язычества, циничное использование политиками мощного инструмента религии с единственной целью консолидации личной власти. Авторская ирония не позволяет роману уйти в прямую апологетику, однако симпатия к главной героине ведет автора к созданию самого жизнеутверждающего, самого оптимистичного (насколько сатирик может быть оптимистичным) во всем творчестве Во произведения: в конце долгой жизни Елена находит свое призвание, выполняет то, для чего послана в этот мир, и находит в исполнении своей индивидуальной миссии удовлетворение и спокойствие.

Ключевые слова: Во, христианство, католичество, политика, исторический роман, рационализм, кризисное сознание

Для цитирования: Кабанова И. В. Христианская истина и политика в романе Ивлины Во «Елена» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 197–203. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-197-203>, EDN: DXZMQU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Christian truth and political power in Evelyn Waugh's *Helena*

I. V. Kabanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina V. Kabanova, ivk77@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3545-2763>

Abstract. The novel *Helena* (1950) is analyzed as Evelyn Waugh's profound statement on his most significant problems: the possibility to resolve the crises of the 20th-century consciousness through Christianity and on the nature of power. Cradle Anglo-Catholics were always suspicious of Waugh, seeing him as an errant Catholic; the paper uses the work of Waugh's biographers and interpreters to pinpoint his personal reception of Catholicism as the most sophisticated, strictly logical system, firmly grounded in historical fact. Waugh's story of St. Helena is simultaneously a biography of half-legendary Saint, known for her discovery of the Cross of Golgotha, who thus proved the truthfulness of the founding Christian narrative, and an ironic modern historical novel on the decline of the Roman Empire. Many parallels between the period of Helena's husband and son (Constantius Chlor and Constantine the Great, respectively) and the catastrophic history of the 20th century are suggested through the devices of anachronism, grotesque, figurative style. The author depicts the persistence of paganism, the use of religious cults as political instrument by cynical persons in their pursuit of individual power. High dose of irony prevents the novel from going in the direction of hagiography; nevertheless the author's concept of his title character brings to life the most positive and optimistic text in Waugh's whole *oeuvre*. By the end of her long life, by converting to Christianity, Helena finds her vocation, her providential mission, completes it, and gains in the fact satisfaction and peace.

Keywords: Waugh, Christianity, Catholicism, politics, historical novel, rationalism, crisis consciousness

For citation: Kabanova I. V. Christian truth and political power in Evelyn Waugh's *Helena*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 197–203 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-197-203>, EDN: DXZMQU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Среди английских католических писателей XX в., наиболее известными из которых были Хилари Беллок, Г. К. Честертон, Грэм Грин, К. С. Льюис, Дж. Р. Р. Толкиен, М. Спарк, Ивлину Во (1903–1966) принадлежит особое место. Хотя он принял католичество в 27 лет, после публикации в 1930 г. своего второго романа, читатели и критика вплоть до «Возвращения в Брайдсхед» (1945) не воспринимали Во как католического писателя, а ценили в его творчестве прежде всего блестящее комическое дарование, точность сатиры, безудержность гротеска с восхитительным элементом абсурда. Сотрудничество Во в католической прессе, его биография католического мученика XVI в. «Эдмунд Кэмптон» (1935) воспринимались как часть его вызывающе несовременных взглядов, как еще одно проявление эксцентричности, как нечто незначительное по сравнению с его виртуозными романами, в которых религиозная и церковная проблематика если и затрагивалась, то как часть общей картины упадка и разрушения современной западной цивилизации. Больше того, ортодоксальные католические критики зачастую выступали с прямым осуждением его романов. Так, голос католической «Тэблет», влиятельный Эрнест Олдмедоу, 7 января 1933 г. в рецензии на роман Во «Черные козны» писал: «Нам неизвестно, числит ли себя мистер Во на сегодняшний день среди католиков, но на случай, если его таковым полагают книготорговцы, библиотекари и читатели вообще, мы заявляем, что его последний роман – бесчестье для любого, кто провозглашает себя католиком» [1, р. 108].

С появлением самого популярного романа Во «Возвращение в Брайдсхед» (1945) католическую проблематику в его творчестве стало невозможно игнорировать, она нарастала в послевоенном творчестве, очевидно проявилась в военной трилогии «Шпага чести». Многие об этом сожалели, предпочитая манеру раннего Во. Однако первые критические монографии о Во были созданы католиками [2], и эта сторона его творчества подвергается все более глубокому осмыслению в критике, в том числе в отечественной [3]. Католицизм Во рассматривается сегодня всеми исследователями в качестве основы его мировоззрения, в качестве базы для интерпретации даже тех его текстов, в которых, на первый взгляд, нет ничего религиозного. Мы не будем воспроизводить глубокие анализы католицизма Во, данные в работах Ф. Стоппа [4], Р. М. Дэвиса [5], Мартина Стэннарда [6, 7] и особенно Д. Л. Пейти [1], а только суммируем основные пункты, важные для нашей темы.

Во-первых, католицизм был для Во в личном плане противоядием от часто свойственного великим сатирикам ипохондрического, брутально-анархистского склада характера. Характерный эпизод приводит первый биограф писателя К. Сайкс, когда в Париже в пятидесятые годы Во за обедом довел до слез своего страстного поклонника, молодого французского интеллектуала; присутствовавшая при этом романистка Нэнси Митфорд сердито спросила Во, как он может быть столь намеренно жестоким и при этом заявлять, что он верующий христианин и практикующий католик. «Ивлин не защищался, но дал объяснение своему поведению, знакомое многим его друзьям. Он сказал: “Вы даже не представляете себе, насколько хуже я был бы, не будь я католиком. Без божественной помощи я вообще вряд ли мог бы считаться человеком”» [8, р. 448].

Во-вторых, поколение писателей 1930-х гг., чье отрочество совпало с Первой мировой войной, а юность с «джазовыми двадцатыми», при вхождении в зрелость испытывало острый кризис ценностей. Довоенные ценности в их глазах рухнули; Во полностью разделял точку зрения своего духовного наставника, отца Мартина Д’Арси, который так писал в 1931 г. о кризисе Запада: «...в сфере политики, морали и религии больше нет веры. В результате мы имеем опасное умонастроение, которое одни расценивают как симптом поражения, другие – как предупреждение, что мы должны либо восстановить остатки старой веры, либо построить новую веру» [9, р. 17].

Большинство ровесников Во пошло по второму пути, примкнув в 30-е гг. к новой вере в социализм; для Во переход в католичество означал обретение причастности к высшему целому, новая религия дала ответ на все его духовные запросы. Как он писал в «Эдмунде Кэмптоне», «вера есть логическая система, интеллектуально абсолютно удовлетворительная, подкрепляемая всеми доводами знания и рассудка» [10, р. 126].

С годами Во все глубже проникался католическими взглядами, в том числе на историю.

В-третьих, концепция истории, изложенная у Беллока и Честертонна [11, 12], оказала на Во сильнейшее влияние, ее важно принимать во внимание при рассмотрении всех его романов. Во полагал католическую церковь, самую древнюю и истинную из всех ветвей христианства, основой европейской цивилизации как таковой. Первые ростки болезни этой цивилизации связаны с Ренессансом и Реформацией, в которых писатель видел сенсуалистическую, романтическую

скую реакцию на томизм, пагубное отступление от стройной логики томизма. «Гуманизм» в устах Во – негативный термин, означающий бесконтрольность чувства, утрату моральных ориентиров, а главное, ограничение человека земными рамками и разрыв связи с божественным началом. С тех пор как неуклонный рост индивидуализма стал магистралью развития европейской цивилизации, начался процесс истощения запаса прочности веры, прочности европейской культуры. В эссе «Обращенный в католичество» («Converted to Rome», 1930) он писал: «Я полагаю, что сегодня центральным вопросом европейской истории является схватка не между католичеством и протестантизмом, а между христианством и хаосом. Это ситуация, очень напоминающая раннее Средневековье. В XVI–XVII вв. столкновение социальных и политических сил привело к непримиримому конфликту между двумя направлениями христианской мысли. В XVIII–XIX вв. каждый образованный европеец стоял перед выбором между христианской верой, в каком бы виде она ни существовала в его окружении, и элегантно, привлекательно скептическим неверием. Но унаследованная подсознательная сила христианства была так велика, что понадобилось два века, чтобы было осознано истинное значение этой утраты веры» [13, р. 103].

Во продолжает рассуждать о христианстве в XX в.: «Сегодня мы повсеместно видим активное отрицание всех ценностей западной культуры. Цивилизация – под этим словом я имею в виду не только звуковое кино и консервы, и даже не успехи хирургии и гигиены, но всю моральную и художественную цивилизацию Европы – цивилизация сама по себе не обладает силой выживания. Она была порождена христианством, и без христианства она лишается значения и способности мобилизовать людей. Утрата христианской веры и общественно-моральных норм воплотились в идее материалистического, механистического государства, которое уже существует в России и быстро распространяется на юг и на запад. Больше невозможно то, что было возможно в век Гиббона: пользоваться всеми преимуществами цивилизации и при этом отрицать ее сверхъестественную первооснову» [13, р. 104].

Точкой, откуда уже не было возврата к норме, Во считал восемнадцатый век. Еще в конце XIX столетия папы Пий IX, Лев XIII, Пий X начали католический поход против «модернизма» в церкви, который ассоциировался с постоянной погоней за чередой сменяющихся

друг друга научных истин (в противоположность самоочевидности божественного откровения), с эволюционизмом, с динамизмом современной культуры вообще. Выделение эпохи Просвещения в качестве переломного момента в истории европейской цивилизации делает Во и его единомышленников в какой-то мере предшественниками Франкфуртской школы и даже постмодернизма.

Борьбу между христианством и хаосом, цивилизацией и варварством и описывают все романы Во, в том числе единственный в его творчестве исторический рома «Елена» (1950).

Жанр исторического романа в середине XX в. был представлен в английской литературе такими выдающимися именами, как Роберт Грейвз и Роуз Маколи. Начиная с 1930-х гг. они подняли этот давний жанр из упадка, в котором он пребывал после Роберта Льюиса Стивенсона и Роберта Хью Бенсона, единственного заметного исторического романиста первой трети XX в. На стезю исторического романиста Во направил своего друга Альфреда Даггана, и сам отдал ему дань в романе «Елена». От возникновения замысла до его воплощения прошло 15 лет – ни над одной другой своей книгой Во не работал так долго.

На Рождество 1935 г., во время поездки в Палестину, Во пришла в голову мысль написать цикл работ об англичанах, связанных со Святой Землей, и первой в их ряду он называет святую Елену. Британское происхождение жены Констанция Хлора, матери императора Константина, который сделал христианство официальной религией Римской империи, Гиббон полагал «позднейшей выдумкой»; ничем не подтверждено и приписываемое Елене обнаружение главной христианской реликвии – Креста распятия. Однако Во, отказавшись за скудостью фактов от написания биографии святой Елены, создал о ней исторический роман. В письме к Нэнси Митфорд от 9 ноября 1949 г. Во пишет: «...опять занимаюсь “Еленой”, которая будет моим ШЕДЕВРОМ. Роман вообще никому не понравится» [14, р. 312]. До конца жизни он повторял озадаченным интервьюерам, что это его лучший роман, а дочь писателя Гарриет свидетельствует, что «это была единственная его книга, которую он вслух читал всей семье» [8, р. 451]. Однако у критики и читателей прием романа оказался сдержанным; подчеркнуто прозрачный, без привычной у Во экстравагантности, с минимумом гротеска, плод зрелого мастерства писателя, для которого никогда не существовало трудностей формального порядка, роман нуждался в длительном периоде осмысления.

Во, изучавший в Оксфорде историю, сформировал манеру писательского обращения с историческим материалом, еще работая над биографией «Россетти» (1928) и жизнеописанием Кэмпиона. В «Елене», как и в этих предыдущих текстах, профессиональная точность в передаче исторических фактов работает на создание более важного для автора художественного целого. Как большинство значительных исторических романов XX в., «Елена» изобилует намеренными анахронизмами, функция которых – разорвать замкнутость исторического времени и пространства, внести в повествование современную перспективу. Исторически достоверная панорама эпохи существует в тексте как необходимый и органичный фон для художественного вымысла.

В центре романа – идея предназначения, предназначения, которое ведет Елену через разные жизненные фазы к осуществлению того единственного дела, ради которого она была послана в этот мир, к доказательству исторической достоверности Евангелий, факта распятия и чуда вознесения. Как известно, Во всегда предельно скептически относился к «психологии» литературных персонажей и серьезно – к технике письма; сдержанно и просто рассказывая о жизни своей святой, Во избегает всякой орнаментальности и риторики, простой стиль повествования выражает простоту и самоочевидность христианства. Но такая ясная история Елены разыгрывается на широком историческом фоне поздней Античности, и для его изображения в палитре художественных средств писателя находятся куда более яркие краски. Более подробный анализ эволюции образа Елены содержится в работе М. С. Балашовой [15]; мы же сосредоточимся на богатстве религиозной и политической рефлексии в романе.

В отличие от всех остальных романов Во, «Елена» подчинена раскрытию определенного религиозного тезиса. По словам биографа Во Кристофера Сайкса, роман утверждает, что «все великие мировые религии до христианства возводят свое начало к неким потрясениям космоса, которые происходили до времени и пространства, эти религии не предлагают рациональных аргументов, поскольку в основе их лежит мистическая спекуляция. До появления ислама христианство было единственной мировой религией, которая основывалась на исторических фактах» [8, р. 429].

Этот тезис раскрывается, прежде всего, в истории главной героини, которая становится

из языческой принцессы христианской императрицей. Автор подчеркивает в Елене британский здравый смысл, недоверие к выдумкам. Представителям всех культов она предлагает один «детский» вопрос: «Когда и где могли видеть вашего бога?», и только христианский писатель Лактанций дает ей на него удовлетворительный ответ: «...в человеческом образе он умер 278 лет назад в Палестине, в городе, который называется теперь Элия Капитолина ... У нас есть рассказы об этом, записанные очевидцами» [16, с. 132]. Такая точность фактов приходится по сердцу Елене, и она принимает христианство как выстраданное откровение. Политика отобрала у нее мужа и сына, и в христианстве одинокая женщина обретает вместо утраченной земной любви любовь небесную, а позже и ту миссию, которая сделает ее святой.

Действие романа происходит на рубеже III–IV вв., когда Римской империей правит череда «варварских императоров» родом из Иллирии, и переносится из периферийных провинций – Британии, Галлии, Далмации – в Рим, Иерусалим и наконец в новую столицу, основанную Константином, – в Константинополь. Автор рисует главную коллизию эпохи: победную поступь христианства в борьбе с язычеством, завершение эпохи мучеников и выход церкви из подполья. Он не скрывает, что христианство становится орудием в политической борьбе, что многие из новообращенных, и прежде всего сам Константин и его жена Фавста, по сути, остаются язычниками. Политической сфере в романе уделено много места, она изображается в полном соответствии с историческими фактами, но при этом в гротесково-сатирических тонах. Первый упоминаемый в тексте император – Бессмертный Валериан, чей набитый соломой труп персы выставили как дворцовое чучело. Ничем не лучше и судьбы его преемников – приближенные убивают гонителя христиан Аврелиана, легионеры приканчивают Проба, во время военного похода сожжен в собственном шатре Кар, его сына Карина убивает трибун, приревновавший к нему жену, и империя достается сыну раба Диоклетиану. Каждый из них может повторить слова Константина: «Потом историки напишут обо мне, что я, желая остаться в живых, решительно добивался власти» [16, с. 115]. Но на пути к власти эти люди теряют все человеческое в себе, и Елена определяет душевное состояние своего сына, которого абсолютная власть абсолютно развратила, как «власть без благодати» [16, с. 192].

Автор обнаруживает глубокую осведомленность в истории ранней христианской церкви, первых пап и вселенских соборов, воспроизводя основные положения бушевавших тогда споров между сторонниками догмата о единосущии Троицы и отрицавшими его арианами. Нерв эпохи автор сосредоточивает в ее религиозной проблематике; атмосфера духовного брожения в конце язычества изображается с явными отсылками к веку XX, а радостный исход – принятие откровения христианства – по-настоящему действен только для главной героини, Лактанция и папы Сильвестра.

Религиозная рефлексия героини пробуждается в Ратисбоне (ныне Регенсбург, Бавария) вскоре после замужества, когда она покидает Британию и попадает в общество провинциальных римлянок, приверженных религии. Они приводят Елену в недоумение: «На ее родине богов почитали каждого в свой черед: из года в год Елена истово и привычно молилась перед алтарями своей семьи и своего народа, приносила жертвы при пробуждении весны, старалась задобрить владыку смерти, боготворила солнце, землю и животворное семя. Однако религиозные дамы Ратисбона говорили о каких-то тайных собраниях и секретных знаках, об обрядах посвящения, и трансах и необыкновенных переживаниях, об азиатах, парящих в воздухе полутемной комнаты, о загадочных голосах, о том, как они стояли нагишом в колодце, в то время как на решетке над ними истекал кровью жертвенный бык...» [16, с. 61–62].

Для здравомыслящей Елены все это «чепуха» [16, с. 62], как и митраизм «ударившегося в религию» [16, с. 97] мужа. Миф о Митре, Ормузде, быке тоже вызывает ее недоумение, а темные речи восточного мудреца, в котором она признает своего бывшего учителя, вызывают у нее неудержимый приступ смеха, и она не приемлет его ответ на ее неизменный вопрос: «Когда и где все это происходило? – Все это происходило вне пространства и времени. Истинность утверждений заложена в них самих и по своей природе не требует материальных доказательств» [16, с. 130]. Вообще изобилие идущих с Востока ложных культов вызывает у Елены отторжение, и христианство далеко не сразу предстает в романе как истинная вера. Первое упоминание о нем относится к 273 г., к описанию начавшегося в Риме мятежа против императора Аврелиана. Его свидетель, муж Елены и будущий император Констанций, рассказывает ей: «Происходит что-то непонятное – какие-то подспудные течения,

какие-то планы... Кое-кто говорит, что это дело рук евреев. В Риме повсюду тайные общества. <...> Там люди из всех сословий. И женщины тоже. И рабы, и евнухи, и сенаторы. Они хотят уничтожить империю – одни только боги знают зачем. Аврелиан говорит, что все это христиане...» [16, с. 80].

И для молодого Константина христиане – самые опасные враги Рима, т. е. империи и цивилизации как таковой. Но в отличие от Констанция, полагавшего спасение империи в ее отгорожении от варваров, Константин со временем приходит к точке зрения Елены, которая мечтает о том, чтобы граница «проходила по самому краю Земли, чтобы любой народ, и цивилизованный и варварский, стал частичкой Рима» [16, с. 57]. Сделав христианство государственной религией Рима, Константин объективно способствует воплощению этой мечты, хотя субъективные причины для принятия христианства у него в изображении Во сомнительны. Благодарность за военную победу, которая привела его на престол, «политическая необходимость стабилизировать империю, всем угодить» [16, с. 139] – это достаточно веские причины, но преображения души ни Константин, ни его номинально христианский двор не испытывают.

Император с императрицей Фавстой прибегают к услугам языческих магов и колдуний, отдают тайные приказы об убийстве неугодных членов семьи, при дворе, как всегда, царят интриги и тяжелая подозрительность. Сторониться ли политики, как юные наследники Крисп и Лициниан, азартно ли в нее играть, как законченная интриганка с холодным рыбьим взглядом императрица Фавста, – близость к власти всем приносит смерть. Особенно выразительна сцена убийства Фавсты по приказу Константина. Фавста задыхается раскаленным паром в своей роскошной бане. Еще не зная, что парная заперта снаружи, наслаждаясь баней, Фавста упивается своими преимуществами. Ее несобственно-прямая речь выдает вполне языческое сознание, в котором нет ни христианского смирения, ни осознания своей греховности: «Она испытывала глубокое удовлетворение. Пережить всех своих земных врагов и иметь всегда под рукой этого милого епископа, который гарантирует вечное блаженство в следующем мире, – какая героиня античности могла этим похвастать? <...> Ожидая раба, который был обязан появиться мгновенно, но почему-то медлил, Фавста продолжала размышлять над своей радостной тайной. Почему именно она, единственная из всех женщин, удо-

стоена всего этого? Вряд ли это дань ее высокому положению. Нет, тут дело в ней самой, в какой-то уникальной особенности ее души. Может быть, она этого и недостойна, но ей повезло – она Божья избранница, любимица и подопечная» [16, с. 186–187]. Двумя абзацами ниже «Божья любимица» «бессильно опустила на пол, немного потрепыхалась и вскоре затихла, словно рыба, выброшенная на каменистый берег» [16, с. 188].

И точно так же Константин видит в религии лишь удобное средство спасения души: он намеревается креститься на смертном одре, чтобы таинство крещения смыло все его грехи, а пока «пусть они накапливаются, пусть становятся все тяжелее – это не имеет никакого значения» [16, с. 194]. Впрочем, в своей мании величия он уповает не только на эту хитроумную стратегию; ему мерещится, что Господь вообще избавит его от «всех этих унижительных подробностей – болезни, смерти, разложения. <...> Я никак не могу представить себе, что умру, как все. Может быть, Он пришлет за мной колесницу, как за пророком Илией... Это меня ничуть бы не удивило – и, смею сказать, никого другого тоже» [16, с. 197].

Так автор показывает в этих персонажах поверхностное усвоение христианских идей, которые лишь маскируют глубоко укорененное языческое сознание. Все эти разнообразные формы кризисного, переходного сознания, которые так ярко проступают в героико-мученическую эпоху христианства, имеют прямые аналоги с кризисным сознанием XX в.

«Елена», тем не менее, – самый оптимистический роман Во, потому что панорама упадка и разрушения Римской империи служит фоном для другого сюжета – утверждения истинной веры и укрепления власти христианской церкви. Проходя через мучительные внутренние раздоры, именно она выдвигается взамен Римской империи на роль объединяющего и цивилизующего начала, она закладывает основы будущей Европы. Константин в романе, переезжая в свою новую восточную столицу, оставляет Рим папе Сильвестру, как бы законно передавая ему цивилизаторскую миссию: «Тебе, святой отец, остается твой старый Рим, с Петром и Павлом и с катакомбами, полными мучеников», – как комментирует один из присутствующих при этом священников, «наследство, таящее в себе гибель» [16, с. 198]. Оптимизм романа состоит в утверждении возможности человека исполнить свое предназначение на земле, исполнить волю Божию, как это произошло с Еленой, и неважно, что это предназначение может не требовать от

человека героических деяний, мученичества и подвигов – возможно, оно сводится к тому, чтобы выкопать из-под земли несколько старых бревен; автор готов признать, что и обнаружение Еленой креста Голгофы тоже может быть исторической легендой. В этом романе здравомыслящей Елене даровано только одно мистическое переживание: местоположение истинного Креста ей открывает во сне Вечный Жид, и это откровение свыше как бы гарантирует подлинность ее столь необходимой христианскому миру находки. В противоположность сегодняшнему западному скепсису по отношению к христианским реликвиям Во предлагает читателю увидеть в них то, чем они были для ранних христиан – подтверждением реальности евангельских рассказов.

Но оптимизм романа весьма сдержан, поскольку его автор – человек XX в., остро переживающий свою историческую запоздалость. Именно об этом идет речь в самом лиричном эпизоде романа, в молитве, которую Елена, сидя в праздник Крещения в той самой Вифлеемской пещере-стойле, обращает к святым волхвам, опоздавшим к рождению Иисуса. В ее словах многое проецируется на личное мироощущение Во после окончания Второй мировой войны: «Как и я, <...> вы пришли слишком поздно. Вы мои небесные покровители... собственных талантов» [16, с. 228–229]; «Ради Того, Кто не отверг ваших странных даров, помолитесь за всех тех, кто был мудр и добр. Да не будут они забыты перед престолом Господа, когда настанет царствие нищих духом» [16, с. 229].

Итак, католицизм Во и комический склад его дарования образуют в романе «Елена» неожиданное сочетание, позволяющее автору дать исторически и психологически убедительную панораму духовно-религиозной и политической борьбы в поздней Римской империи и одновременно создать оригинальный комментарий к проблемам XX в., написанный с прокатолических позиций, а потому отвергнутый либеральным сознанием в момент появления романа, но оказавшийся во многом пророчески-созвучным умонастроениям, все громче звучащим на Западе сегодня.

Список литературы

1. Patey D. L. The Life of Evelyn Waugh: A Critical Biography. Oxford, UK ; Cambridge, USA : John Wiley and Sons, 2001. 456 p. (Wiley Blackwell Critical Biographies).
2. DeVitis A. A. Roman Holiday: The Catholic Novels of Evelyn Waugh. New York : Bookman Associates, 1956. 88 p.

3. Балашова М. С. Религиозная проблематика творчества Ивлины Во : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2015. 204 с.
4. Stopp F. Evelyn Waugh: Portrait of an Artist. London : Chapman and Hall ; Boston : Little, Brown, 1958. 254 p.
5. Davis R. M. Evelyn Waugh, Writer. Norman, OK : Pilgrim Books, 1981. 342 p.
6. Stannard M. Evelyn Waugh: The Early Years (1903–1939). New York : Norton, 1986. 537 p.
7. Stannard M. Evelyn Waugh: The Later Years 1959–1966. New York : Norton, 1992. 523 p.
8. Sykes Ch. Evelyn Waugh. A Biography. Harmondsworth, Middlesex, England ; New York, N.Y., U.S.A. : Penguin, 1977. 624 p.
9. D'Arcy M. The Nature of Belief. London : Sheed & Ward, 1931. 336 p.
10. Waugh E. Edmund Campion. 2nd ed. London : Penguin Books, 1953. 172 p.
11. Belloc H. How the Reformation Happened. London : Jonathan Cape, 1928. 294 p.
12. Chesterton G. K. The Resurrection of Rome. London : Hodder & Stoughton, 1930. 346 p.
13. The Essays, Articles and Reviews of Evelyn Waugh / ed. by D. Gallaher. London : Methuen, 1983. 662 p.
14. The Letters of Evelyn Waugh / ed. by M. Amory. New York : Penguin, 1982. 688 p.
15. Балашова М. С. Образ святой в романе Ивлины Во «Елена» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 74–79. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2012-12-3-74-79>
16. Во И. Елена / пер. с англ. А. Иорданского. М. : Текст, 2003. 254 с.

Поступила в редакцию 05.12.2023; одобрена после рецензирования 24.01.2024; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 05.12.2023; approved after reviewing 24.01.2024; accepted for publication 05.02.2024